

ПРЕКАТЫ НА РЕКЕ ЖИЗНИ...

Чусовая, одна из крупных и красивейших рек Урала, протекает по территории Первуральского района. Лето на Чусовой незабываемо. «Достаточно сесть в байдарку, отправиться вниз по реке, и вы уже в плену у горной красавицы», — так пишут в туристических путеводителях. Собрались мы посмотреть красоты природы и жизнь тружеников первуральских деревень.

Почти у всех писателей Урала вы найдете страницы, связанные с этими живописнейшими местами. От Коуровской турбазы долина Чусовой, пожалуй, самая красивая. Горные породы создают сложную палитру красок, огромные камни возвышаются над водой, в некоторых есть пещеры. Но вода в «горной красавице» — тяжелая на вид, страшного кофейно-коричневого цвета, грязная [что, впрочем, известно всем, кто бывал в тех местах]. Такие контрасты ждали нас и в чусовских селениях — рядом с красотой живут бесхозяйственность и запустение.

Тихонько журчит вода за кормой, и вот уже впереди парящая над водой церковь...

* Возвращение к окраине

СТАРИШОЕ СЕЛО СЛОБОДА ведет счет неспешным годам с 1651 года. Жило село работой одной из крупных верфей и пристаний на реке Чусовой. Отсюда уходили по весне караваны судов до Москвы с грузом уральских заволов. Священник служил для ссыльников молебен, кропил святой водой барки. Жили рядом труд и Бог.

Церковь на горе смотрится великолепно, построена она в 1805 году. Блестят на солнце позолоченные кресты, произительно сияние в звездах купола, лакомство белые стены и узорчатая ограда. Жлали от местных жителей разговоров о религии, как о единственном прибежище в этом мире неверия и греха. В Слободе от старух до молодых людей относятся к отцу Владиславу с уважением. «Как зовут священника?» — задавала вопрос очень многим. И часто слышала в ответ: «Зачем тебе? Зови просто батюшкой».

У отца Владислава большая семья, 9 детей, трое взрослых. Все приучены к работе. А отец разговаривает с ними мышко и без нажима. Дом небольшой, снят на полу вновь, а отец Владислав всю жизнь сидит на лавке. Разносолов никаких нет, нет вообще культа еды, чего-нибудь вкусненького для чад не волится, хлебают простую похлебку.

Отец Владислав верит в Бога по-настоящему, серьезно. Это не способ сделать карьеру и не обязанность профессии.

В церковь нас пустили, хотя в этот день службы не было. Старушка в дворах сказала: «Попросил батюшка, чтобы поработал здесь, я неделю в церкви, неделю дома, на Днепре. Была и в Свердловске, и в Елизавете; эта церковь лучше всех. Светлая...»

У церкви вид ухоженный, и снаружи и внутри, внутри даже больше: празднично, изрядно и по-домашнему — столы, кресла, таз цинковый, вешалка с одеждой, посуда, совсем деревенская горница, и тут же новейшие иконы за сияющими стеклами, роспись потолков ярчайшая, Бог из глубиныглядит свято.

С отцом Владиславом познакомилась на другой день. Служба накануне Рождества Иоанна Предтечи шла почти три часа. Древние старухи и четыре старика. Из молодых на несколько минут заглянула любопытствующая парочка отдающих с Коуровской турбазы, из речишин — дети священника и две де-

Исповедь на дороге

очки, поддерживающие свою немощную бабушку.

Служба изнурительная. После нее за воротами церкви остановила усталого священника. Интервью взяла, а фотографироваться святой отец наотрез отказался.

— Батюшка, существует версия, что асфальтированную дорогу по Слободе проложили на деньги священника, правда это?

— Нет, конечно. Откуда у церкви такие деньги? Еле концы с концами сводим (на батюшке грубые отечественные ботинки).

— Но кажется ли вам, что такая служба вряд ли привлечет молодых в церковь? У меня, к сожалению, больше не возникает желания прийти сюда. Похоже на плохую инсценировку без содержания. Ведь непонятно, что читали, что пели, священник не обратился к пастве с простыми, дохоливыми словами.

— Жаль, что не понравилось вам. Хотя понять можно (глаза у отца Владислава серые и хитрые). Певчие плохи, на общественных началах, многие работают в две смены. Часто их совсем по пятницам нет, приходится моим детям петь, какое уж благолепие? Вот завтра на литургию приходите, может, больше понравится, будут профессионалы.

— Отец Владислав, не боретесь за молодежь?

— Как бороться? Законом 1929 года за религиозную пропаганду (говоря мирским языком) до пяти лет давали, а его еще не отменили. Мы не можем бороться, это не в правилах церкви, Бог сам решает, привлекает и очищает.

— Батюшка, вот МВД вчера фотографировало на случай кражи иконы, а мне показалось, что ценного в церкви и нет ничего.

— Да, мы много передали икон вновь открывшимся монастырям. Жаль, что картины галереи этого не делают. Надо церкви возвращать ее имущество.

— Но в галереях их больше людей увидят, к вам не идут...

— Дайте срок, пойдут, вот посмотрите, все пророчества библейские оправдаются. Православная религия — это невод, хорошая рыба задерживается, а плохая сквозь ячейки выходит.

Кузьминка и ее старожилы

«Если бы хоть кто-то из начальства жил с нами в один доме, все было бы иначе», — сокрушаются жители трехэтажного дома-коробки в дальней части Слободы, называемой Кузьминкой. Дом построен для работников свинокомплекса, единственного предприятия в Слободе. Руководители АПО злесь не живут, знают, понятно, почему до сих пор нет в поселке ни телефона, ни радио.

В доме установлены электроплиты, а платят по четыре копейки за киловатт-час электроэнергии, хотя в сельской мест-

ности положена одна копейка. Все лето нет горячей воды, котельная на таизы-зываемом ремонте. «Работая в животе водястве, лавандой не запахнешь, надо каждый день мыться», — объясняют мне, как иностранный.

А если еще электричества нет? Прошлой осенью бывак раскладывали в овраге, на кострах грели чай для детей, которых здесь много: 31 ребенок на два подъезда. Школы нет, дети должны ездить на рейсовом автобусе в Новоуткинск учиться.

Около дома нет детской площадки, играет ребятина в лопухах, очередь к одноклассенной качели (заранее призывают к стоянию в очередях). Странно видеть этот неряшливый человеческий мурзайник на фоне величавой Чусовой, что делает по Слободе широкие петли в живописных скалистых берегах. На горной реке живут, а вода в доме содержит 72 процента железа. Санэпидстанция брала пробы, дала заключение: «Вода — питьевая, железо даже полезно организму».

Около церкви построена гостиница для верующих, приезжающих издалека, здесь и чаём напоят, и обедом покормят бесплатно. А на свинокомплексе? Своих не жалуют. Бытовки тесные. Выделили машину ребятишкам отвезти-привезти в детсад, что в двух километрах от дома, или в баню съездить, когда нет горячей воды. Машину-то дали, а запчастей к ней нет, талон на бензин можно отоварить только в Битимске. В Новоуткинске ближе, но... келья!

Церковную службу вести дядю с улицы не поставят, учат специально, моральные качества семидесяти семь раз проверяют, ведь с человеческими душами работают! А на производство можно и забыть. Управляющий свинокомплексом Кумов — бывший железнодорожник. А настоящие специалисты — экономисты, врачи — меняются, как перчатки. Зарплату меняют часто, то она зависит от привеса, то от погоды, то от какой-то «цашки», которая приезжала, все по своему переделала, с рабочими не посоветовалась. Что за «наука», до сих пор понять не могу. И получают мужчины за физический тяжелый труд по 70 рублей (в мае, например).

Не дай бог видеть этих измученных невозможностью работать хорошо и радостно! Николай Аркадьевич Баженов. Свинарь, работает в «святая святых» свинокомплекса, в маточнике, где появляются поросыта. С какой безнадежностью звучали его слова: «Весь это основное производство, а люди приходят временные, им лишь бы день отбыть. Даже имена запомнить не успеваем. А за маленькими ведь уход нужен! Посмотрите, какие поросыта рождаются: уроды часто, без ножек. Поголовье не менялось давно, родство образовалось, вот и шампунют уродов. А они как дети, их жалко!»

Жалко до слез и Н. И. Баженову, чей ребенок девяти лет погиб под колесами не тормозящих машин (дорога около

самого дома, а знаков нет!). Жалко и обидно за семью Чайковых, у которых шестеро детей. Родители Раиса Ивановна и Александр Иванович работают с 8 до 5, а магазин в Слободе открывается в девять и заканчивает работу в 5.30.

«Завтра, может, один останусь. Должно быть восемь человек, а работают двадцать от силы», — констатирует факт Н. А. Баженов. «И не работай один — возмущается жена. — Что, тебе больше всех надо? Механизация плевая, а расценки как на полностью механизированное производство насчитывают».

«Порядка нет, — нервно вставляет Р. И. Чайкова, — под окном огромная дыра, а дверь замыкают. Зачем замки, если в дыру хряка стокилограммового можно вытащить? Весной машинами вывозили».

Коммунист Галина Николаевна Болева говорит, что в ведомостиパートносов по полторы тысячи проставлена зарплата руководителей, а у рабочих по 70—100 рублей. Почему начальники по 2—3 оклада получают, если производство идет через пень-колоду? Откуда премии руководителям, если АПО «Чусовское» концы с концами не сводят, денег на счету в банке нет, часто зарплату задерживают? Шесть лет назад было шесть руководителей, теперь 68! Некуда столы бухгалтеров ставить, а производство осталось прежним.

Нусть у церкви дела налаживались тысячелетиями, а у нас только 70 лет за спиной. Но ведь брать деньги за ничего-неделанье, как это делает завклубом в Слободе, который вечно закрыт, догадались за эти годы, а трудом платить за зарплату не смогли додуматься? Сколько еще времени нужно, чтобы не просто жить по принципу: «Я главный, а ты молчи, пыхти да делай, не нравится — уходи, кто тебя держит, кому некуда деваться, тот приедет?» Дать людям квартиры — это еще полдела, а вот задержать болеющие за свою работу, дать им возможность работать с инициативой — это задача настоящего руководителя.

На Чусовой скале издавна зовут «камнями», а опасные — «бойцами». На мой взгляд, руководители свинокомплекса и АПО «Чусовское» — это «бойцы» по течению реки жизни, о которые может разбиться лодка многих наших надежд, как бились веками барки у скал Собачьего рога, что расположены в Слободе. За поворотом...

А в 59 году пожар слизал половину деревни, и, как цепная реакция, потянулись с пепелищ люди кто куда. Тут «Утес» речку, холодную и чистую, перегородил плотиной, пруд сделал, залито земли, где кормилица-капуста росла, и все. Последнее подкосили. Не стало за землей ухода. Там, где человеческая по рожь бегала, заросли сорной травы и крапивы поднялись в человеческий рост. С 1574 года стояла Каменка, и не стало жизни, декорация одна, как крепость на живописно высоком бойце Каменском, построенная Свердловской киностудией для съемок фильмов об уральской старине. За крепостным частоколом дома, банька, княжеские хоромы с высоким крыльцом, все чин-чином, только пешком. Растет травка, цветут ромашки во внутреннем дворике, и стоит звенящая тишина, в которой гулят эхо. Сделать бы здесь музей уральского быта, даже церквишка есть. Нет, сторожей не видно, и растаскивают помаденьку этого удивительного сооружения фантазии декораторов. Растишет быстро и без следа. В связи с известными постановлениями Советской власти мы нынче стали, наконец, давать страждущим места под дачи. Не остался в стороне и Нижнесельский Совет. Но интересная получается картина: лакомые куски придерживаются до последнего момента и давали в первую очередь власть предержащим: ответственным работникам обкома и облисполкома, научным работникам, писателям и др. (Не с тайной ли мыслю им давали лучшие земли, чтобы они власть свою употребили для решения хоть некоторых социальных проблем? Ну, что ж...)

Справедливости ради, остальные тоже получили участки. Роздано уже 80. Однако меня удивляет, даже шокирует цена. Красивейшие, удобные земли состоятельным людям с машинами раздаются буквально даром: по рублю за сотку.

Вот она, цена нашей любви и восхищения родной уральской землей. Доколе же мы будем дожидаться особых конструкций, чтобы по достоинству оценить ее, кормилицу нашу?

Пора собираться в дорогу. Что ждет дальше? Красоты Урала и те же проблемы в Нижнем Селе и Треке. Байдарка плывет вниз по реке, поют весла. Будут и спокойная гладь, и перекаты, будут радости и неудачи. Только бы не сбылись пророчества Апокалипсиса о близком конце конца. Не приближали бы мы его всеми силами.

Е. КАПУСТИНА.